

манием он ограждал от влияния дурных нравов людей, окружавших меня, так мало позволял матери заботиться о блеске моей одежды, что, казалось, он исполнял обязанности не воспитателя, а отца, и беспокоился не о моем теле, а о душе. И я испытывал к нему такое чувство дружбы, хотя и был для своего возраста несколько тяжеловат и робок, и хотя иногда моя нежная кожа носила без всякой причины на себе следы плети, что не только не питал к нему страха, естественного в том возрасте, но забывал всю жестокость и повиновался ему с неподдельной любовью. Вот почему мой учитель и моя мать, видя, какое оказывал я почтение им обоим, старались делать опыты, чтобы убедиться, кого я больше слушаюсь, и давали мне вместе приказания. Но вскоре представился им случай, независимо от их намерения, решить этот вопрос окончательно. Однажды, когда меня побили в школе школой же называлась одна из комнат нашего дома, ибо мой учитель, взявшись воспитывать меня одного, оставил всех прежних своих учеников, как того требовала моя рассудительная мать, согласившись, впрочем, увеличить его жалованье и дав ему значительную прибавку, прекратив на несколько часов вечером мои занятия, я сел на колени своей матери, жестоко избитый и наверно более, чем заслуживал. На обычный вопрос моей матери, били ли меня в этот день, я, не желая выдать учителя, утверждал, что нет. Но она, заворотив против моей воли ту часть одежды, которую называют рубашкой, увидела, что мои ручки все почернели и кожа на плечах вздулась и распухла от розог. При этом виде, жалуюсь, что со мной обращаются так дурно в нежном возрасте, она воскликнула со слезами, в смущении и впе себя: «Я не хочу больше, чтобы ты был клериком и чтобы для знакомства с науками тебе приходилось испытывать подобное обращение». При этих словах, смотря на нее с гневом, как только мог, я ей отвечал: «Если бы мне пришлось умереть, то я не перестану учиться, чтобы сделаться клериком». Действительно, она мне обещала, как только я приду в возраст и пожелаю того, сделать меня рыцарем и доставить мне оружие и прочее

одеяние. Когда же я с пренебрежением отверг подобное предложение, твоя достойная служительница, о Господи, выслушала свое несчастье с такой признательностью и столь радостно ожила духом, что сама передала мой ответ моему пастырю. Оба они пришли в восторг, что я обнаружил столь пламенную преданность знанию, которому посвятил меня мой отец; с большой быстротой я изучил науки, не отказываясь от церковных обязанностей, когда того требовало время или дело, даже предпочитал их еще. Но так это было только в то время. Ты же, Господи, знаешь, как впоследствии я изменился в своих намерениях, с каким отвращением я ходил на церковную службу, и только побои могли меня к тому принудить. В те же времена, о Боже, у меня было, без сомнения, не религиозное чувство, вытекавшее из души, но каприз ребенка, которым я увлекался. Когда юность развила во мне дурные семена, которые я носил в себе от природы, и внушила мне помыслы, разрушившие все прежние намерения, моя наклонность к благочестию совершенно исчезла. Хотя, о Боже, в ту эпоху, твердая воля или, по крайней мере, подобие твердой воли, по-видимому, возбуждала меня, но вскоре она пала, извращенная самыми пагубными помыслами.

VII. Моя мать употребляла все средства, какие от нее зависели, чтобы доставить мне церковную бенефицию (то есть доход с церковных имений). Но подобное желание было не только неблагоприятно, но даже преступно. У меня был младший брат, рыцарь и гражданин города Клермона, находящегося в двух... (пропуск нескольких слов в манускрипте)... перед замком, который стоит между Комьенсом и Бове. Мой брат ожидал получить деньги от сеньора того места, не знаю, в качестве ли дара или феодалной повинности; но так как сеньор медлил с уплатой за недостатком денег, то, как я догадываюсь, некоторые из моих родных пожелали дать мне (автору было в то время около 12 лет) место каноника, в виде пребенды, при той церкви, которая в противоположность капоническим декретам пахотилась в его власти, с тем, чтобы брат перестал мучить его деньгами, которые он был ему должен.